

МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Н. Цветаева

ПРАКТИКИ И ЦЕННОСТИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН (Анализ биографических материалов конкурса «Жить в эпоху перемен»)*

В статье представлены некоторые результаты анализа биографических материалов конкурса «Жить в эпоху перемен», проведенного сектором социально-культурных изменений Социологического института РАН осенью 2000 г. среди жителей Санкт-Петербурга. На материале историй жизни участников конкурса детально анализируется, как люди адаптируются к происходящим последние десять лет переменам и как оценивают этот процесс.

Провести сравнение между обобщениями многочисленных исследований о тенденциях изменения ценностных ориентиров последнего десятилетия жизни российского общества сегодня почти невозможно. Это происходит не только из-за естественного изменения со временем смысловых характеристик ценностных концептов или различий в структуре экспертного знания, вносящих свои коррективы в обзор получаемой разными исследователями картины. Проблема, как кажется, состоит в том, что когда в массовых опросах исследуются ценностные ориентации населения и актуальные сегодня либеральные ценности, это происходит вне конкретизации и контекстуализации поведения и мотивации людей, т.е. остается на уровне обобщенных изменений в структуре заданных исследователями представлений об этих ценностях. Иначе говоря, не замечаются принципиальные расхождения в толковании изучаемых ценностных концептов не только на экспертном уровне, но и прежде всего на уровне повседневной жизни. В этой связи результаты опросов, представляя обобщенные характеристики массового сознания, часто выглядят как мало имеющие отношение к реальной жизни людей.

* Работа подготовлена при поддержке РФФИ (проект-№ 01-06-80417-а «Глобальное и локальное в контексте социально-культурных изменений»).

Одну из возможностей посмотреть на процесс перемен изнутри и представить оценки и суждения людей в контексте событий и историй их жизни дают современные методологии, использующие «человеческие документы» (биографии, истории жизни, переписку и т.п.) как новый тип источников социального знания [1; 2]. Работа с этими документами представляет собой качественный анализ и не предполагает статистических обобщений. Тем не менее, ее итогом оказывается описание диапазона возможностей и социальной типики исследуемых феноменов, которое позволяет увидеть тенденции, скрытые за статистикой массовых опросов.

В данной статье описаны результаты анализа биографических материалов конкурса «Жить в эпоху перемен», проведенного сектором социально-культурных изменений Социологического института РАН осенью 2000 г. среди жителей Санкт-Петербурга и некоторых городов Северо-Западного региона. Тема конкурса предполагала описание людьми своей жизни прежде всего с точки зрения того, как они адаптируются к происходящим последние десять лет изменениям и как оценивают этот процесс. Было получено и проанализировано около 70 биографических повествований, с помощью которых сделана попытка ответить на вопросы, каковы сегодняшние адаптивные практики, какими ценностными суждениями они сопровождаются и сопутствуют ли им новые ценности, порожденные «эпохой перемен».

Принципы анализа и выборка

Если посмотреть на описываемые участниками конкурса адаптивные практики с точки зрения наиболее представительной типологии адаптивного поведения, основанной на сравнительных исследованиях ВЦИОМ, то большинство участников конкурса можно отнести к одному типу адаптивного поведения, который определяется как «понижающая адаптация». Этот тип адаптивного поведения присущ 38% населения страны и характеризует людей, вынужденных «вертеться» и использовать непривычные для них средства для поддержания наличного или сниженного статуса [3; 4].

Участники конкурса, рассказывая о своих способах адаптации к переменам, хорошо иллюстрируют содержательную характеристику адаптации. Возражение, однако, вызывает то, что «понижающую адаптацию» называют иногда пассивной формой приспособления [5, с. 13]. Не говоря уже о том, что странно говорить о пассивности людей, вынужденных вести активную деятельность, такое определение игнорирует тот вклад, который разнообразные практики повседневной жизни (в том числе и называемые «пассивными») вносят в социальные изменения. Причем, вклад этот оказывается тем более существенным, что он является результатом практик значительной части населения. Другими словами, происходящие изменения обусловлены не только новыми правилами игры, установленными властью, но и тем, как эти правила в результате разного рода практик повседневной жизни, тактической активности групп и индивидов, адаптируются, становятся привычными для людей или же отрицаются ими, не принимаются [6, с. 85]. Опыт такого рода адаптивных практик российских граждан накоплен довольно большой, чему в немалой степени способствовали жесткие рамки жизни человека в советском обществе, заставлявшие его постоянно искать возможности обойти эти рамки. Об этом опыте свидетельствует также чрезвычайно распространившаяся сегодня «неформальная» экономика.

Еще один принцип анализа адаптивных практик участников конкурса состоит в том, что эти практики рассматриваются как «стратегии более или менее "автоматические", идущие от практического чувства (а не от проектов или сознательного расчета)» [7, с. 98]. Это положение особенно важно подчеркнуть на фоне популярного сегодня идеологического клише, связанного с установками на активность и достижительность, преобразующие и контролирующие стратегии, которые предполагают рациональность и расчет. Однако — и это подтвердил анализ биографий участников конкурса — люди часто ведут себя нерационально с точки зрения логики достижительной мотивации. Об этом свидетельствуют и результаты ряда региональных социальных исследований. Так, например, более 35% людей в средних промышленных городах и сельских поселениях юга России «сокращают свои расходы», когда их «доходы» снижаются, а вовсе не ищут высокооплачиваемую или вторую работу (тем более речь не идет о повышении и смене квалификации, возможном переезде в места с благоприятной конъюнктурой на рынке труда и т.п.) [8, с. 87].

Важным принципом анализа адаптивных практик участников конкурса является также отказ от попытки строго разделить их на старые и новые. Как известно, в советское время многие из используемых сегодня практик были довольно редкими, а некоторые из них нелегальными, и в процессе перемен превратились в массовые и легальные. И, если иметь в виду их сегодняшнюю массовость и легальность, их можно назвать новыми, но, если говорить об истории их становления до того, как они появились в массовом масштабе, они давно уже новыми не являются. Это переплетение старого и нового оказывается значимой характеристикой взаимосвязи практик и ценностных ориентиров, позволяющей уже в сегодняшних адаптивных практиках прочесть не только историю их появления и мотивирующие их ценности, но и наиболее рельефные «узлы» этой взаимосвязи, старых и новых практик, старых и новых ценностных ориентиров.

И, наконец, несколько слов о «выборке» используемых в данной статье материалов конкурса. Так как качественный анализ не предполагает статистических обобщений, а ориентирован на описание диапазона возможностей и социальной типики исследуемых феноменов, работа с материалами конкурса строилась на нескольких «мини-выборках». В данной статье описываются результаты анализа одной из них. Все отобранные биографии принадлежат однородной по нескольким параметрам группе участников конкурса. Речь идет о женщинах, имеющих высшее образование и принадлежащих к одной из старших возрастных групп. Показать разнообразие вариантов взаимосвязи адаптивных практик и ценностных ориентиров на материалах биографий этой возрастной группы представляется интересным прежде всего потому, что люди этого возраста, как с теоретической точки зрения (например, с точки зрения теории межгенерационной перемены ценностей [9, с. 14]), так и с позиции здравого смысла менее всего склонны менять свои ценности. Другой параметр «мини-выборки» — отбор женских (а не мужских) биографий — связан со спецификой женского повествования. В рассказах женщин, которые, как признано исследователями биографий, являются своеобразными хранительницами памяти семьи, как правило, гораздо рельефнее проявляются связи между практиками их повседневной жизни и ценностными суждениями. (Сравнению женских и мужских повествований участников нашего конкурса, также вы-

явившему интересные характеристики, будет посвящена отдельная статья). Последний параметр «мини-выборки» — высшее образование респондентов — определил предыдущий анализ биографических нарративов, который выявил принципиальное отличие мира «простого человека» и мира «человека образованного» [10]. В то время как «образованные» люди, как правило, имеют навык рефлексии и маркируют события своей жизни, «простые» люди в меньшей степени склонны к этому и их способ освоения мира носит другой характер. Кроме того, для образованных людей старших поколений, так называемого советского среднего класса, долгое время генерировавшего и поддерживавшего ценности советской эпохи, а затем, как правило, с энтузиазмом принявшего перемены, сегодняшняя ситуация выглядит как драма столкновения старой и новой систем морального регулирования и поэтому в их биографических рассказах взаимосвязь новых реалий жизни и старых и новых ценностей предстает наиболее рельефно.

«Это унижительно для меня»

Сначала рассмотрим случай, когда ценностные ориентиры советского времени, оказываются стойкими и сопротивляются пропагандируемым сегодня практикам и ценностям. Проиллюстрируем этот случай биографическим рассказом женщины 1941 г.р.

Биография этой женщины в определенном смысле представляет собой «классический» образец жизни советского инженера, все ступени которой соответствовали нормам того времени. Она пишет:

Родилась в Ленинграде в рабочей семье. Училась хорошо, занималась спортом, была в литературном кружке... После школы поступила в Военно-Механический институт и была распределена в конструкторское бюро Кировского завода, где проработала всю свою жизнь. Ушла на пенсию в 1997 г. в должности конструктора 1-й категории. За время работы награждена медалью «За трудовую доблесть», «Ветеран труда».

На заводе она встретила свою судьбу своего будущего мужа, и ее семейная жизнь также сложилась весьма успешно. На сегодняшний день у нее и у ее дочерей есть квартиры, которые она называет *основой жизни для любой семьи*. Возможно, сама успешность ее жизни в советское время, нарушенная *перестройкой*, которую она *сначала встретила с воодушевлением*, делают ее сторонником коммунистов. Во всяком случае, некоторые иллюзии в ее воспоминаниях о достоинствах социализма очевидны:

Да, тогда тоже было много недостатков, но до такого цинизма прошлящая власть не доходила. В нашем государстве, кто хотел, тот мог получить образование, медицинскую помощь, даже будучи студентами, ездили на юг отдыхать, дети все без исключения учились в школе, отдыхали в пионерских лагерях.

А в семидесятых годах было вообще замечательно, хочешь квартиру — покупай, хочешь машину — тоже покупай и даже в рассрочку. Это было всем по карману, кто, конечно, не был пьяницей. Вот мы же смогли с мужем на свои оклады и без помощи родителей (оба из многодетных семей) купить квартиру, машину, гараж, вырастить двух двойняшек, выучить их и выдать замуж. Мы свои обязанности выполнили на все 100%, а сейчас? Мои

внуки учатся в очень хорошей школе, но я не уверена, что моя внучка, которая пойдет в 7-й класс, со временем получит высшее образование.

Тем не менее реальные основания для критики перемен у нее также есть, когда она описывает развал работы своего КБ и другие проблемы сегодняшней жизни. Но самый характерный для ее позиции фрагмент, своеобразная «кода» ее рассказа, — это объяснение своего нежелания прибегнуть к новым практикам зарабатывать на жизнь:

В ноябре у нас дома каждый год встречаемся с бывшими сослуживцами. Нас перестройка раскидала кого куда, и теперь ни одной из нас не осталось в КБ. Некоторые уже пенсионеры и не работают, другие работают, например, у новых русских убирают квартиры, сидят с их детками. А ведь эти женщины все получили высшее образование, были неплохими специалистами. Вот и меня одна женщина упрашивала пойти в домработницы к ее директору, но я отказалась, посчитала, что это унижительно для меня. Звали меня снова в наше КБ, но там за эти годы еще хуже стало, поэтому тоже отказалась, хотя силы поработать у меня еще есть. Вот на свою Родину я бы еще поработала, а на государство — нет, так как в настоящее время государство существует отдельно от народа.

Новые возможности зарабатывать, которые предлагает этой женщине сегодняшняя жизнь, она расценивает как унижительные. (Можно более ясно обозначить ее позицию, если напомнить, что домработница у богатых людей сегодня получает значительно больше, чем инженер Кировского завода). В этой позиции отчетливо выражено вполне понятное с точки зрения ценностей советского времени нежелание терять статус и неприятие новой модели социальной стратификации и новой жизненной перспективы, в которой «деньги» заменяют «культурный престиж». В принципе, такое столкновение «денег» и престижа не может иметь места в современном стабильном обществе, хотя история советского общества опровергает это. Так, советским людям было не привыкать, что статус и доход могли существенно расходиться и инженер, например, мог зарабатывать меньше рабочего. Если рассуждать с точки зрения теории культурного производства П. Бурдьё [11], можно сказать, что эффекта гомологии, т.е. соответствия между позицией индивида в области экономики и его позицией в сфере культурного потребления, в советском обществе не наблюдалось. В нем существовали другие соответствия, которые определялись идеологически. И в позиции респондентов с высшим образованием, как свидетельствует анализ биографических нарративов, это проявлялось и проявляется вполне отчетливо [10; 12].

Итак, хотя по результатам опросов ВЦИОМ основным стратифицирующим признаком и основным общественным ориентиром стали сегодня «деньги» (на них как на критерий успеха в жизни ориентированы 49% опрошенных, тогда как на образование 13% [13, с. 25]), автор рассмотренного биографического рассказа явно ориентирована на нормы и ценности советского общества, в котором гораздо важнее были статусные механизмы, чем рыночные. В ее позиции отражается также особая роль высшего образования в советском обществе, которое в условиях запрета частнопредпринимательской деятельности оказывалось едва ли не единственным средством повышения социального статуса. Кроме того, в ее позиции содер-

жится представление «неправедности» многих из практик, которые теперь признаны легальными, а в советское время были нелегальными.

В целом, как свидетельствуют биографические рассказы участников конкурса, эта позиция довольно типична. Только крайняя нужда заставляет тех, кто получил высшее образование и профессию в советское время, идти на неквалифицированную, но хорошо оплачиваемую работу. При этом нежелание терять обретенный в советское время статус особенно сильно проявляется у людей, принадлежащих к образованным слоям общества в первом поколении. По всей видимости, для них культурный капитал обладает особой ценностью, так как обретен исключительно собственными усилиями.

«Но сейчас уже смотрю на все иначе»

Приверженность ценностям ориентирам советского времени не всегда оказывается такой неизменной, как в описанном выше случае, когда человек даже не пытается обратиться к новым практикам, считая их унижительными, и живет в русле прежних представлений. Биографические повествования иллюстрируют случаи, когда человек делает множество попыток адаптироваться к переменам и принять новое, но все эти попытки оказываются безуспешными и повергают его в смятение, фактически возвращая к прежним ценностям. Одна из таких историй принадлежит женщине 1938 г., работавшей *всю жизнь инженером-строителем в проектных институтах.*

Став в 50 лет пенсионеркой (так как последние 16 лет перед выходом на пенсию (в 1988 г.) она работала на Севере, в Мурманске), она решает помогать родителям, живущим в Новокузнецке, и дочери, которая, уехав в 1983 г. в Ленинград учиться, вышла там замуж, родила дочку и живет с мужем в общежитии. Вот как респондентка пишет об этом времени:

И начала мигрировать каждые 6 месяцев между Мурманском и Новокузнецком с остановкой в Ленинграде, часто вместе с внучкой. Денег нужно было немерено, а взять их было негде. Накоплений, хоть и жила на Севере, практически не было. Тут стали исчезать товары. Чтобы иметь хоть какую-то прибавку к пенсии, начала приторговывать...

Итак, если в первом биографическом рассказе речь шла об отказе от новых практик, которые были названы унижительными, то здесь речь идет об активных попытках наладить жизнь в новых условиях, несмотря на унижение:

Тогда около каждого магазина стояла длинная цепочка таких продавцов. Периодически появлялась милиция, и мы, как зайцы, разбегались со своим товаром. Или появлялась какая-то шпана, которая могла что-то схватить или потребовать денег. Противно это было до невозможности. Было унижительно бегать от милиции. Новокузнецк — город, где зимы холодные. И даже два-три часа выстоять непросто...

Следующей (судя по описанию, не только унижительной, но и опасной) практикой этой респондентки стала работа в Новокузнецке кассиром на «водной станции» (прокат лодок), куда ее «по благу» устроил отец, работавший там сторожем. Здесь она столкнулась уже со «сплошным криминалом»:

Начальница мне популярно объяснила, как надо работать, чтобы мне было хорошо и всем было хорошо. Я поняла, что мне предстоит. Прорабо-

став всю жизнь на проектной работе и получая деньги только по ведомости в кассе, мне было сложно решиться на это. И деваться-то было некуда. Постоянные разъезды, дочь с внучкой практически на мне. И начался сплошной криминал. Приходя домой, я начинала работу с квитанциями, в результате которой сдавала по квитанциям 50% выручки, а 50% отдавала лично в руки своей начальнице, из которых мне выдавалось 70–100 р. в день. Для меня это были огромные деньги. Моя пенсия была 120 р. Столько денег у меня не было никогда в жизни. Часто, закончив работу с квитанциями, я выходила на балкон покурить... И глядя на звезды, я думала, в каком же дерьме мне приходится крутиться...

После смерти родителей жизнь респондентам связана с Мурманском, где у нее есть квартира, и Петербургом, где живет ее дочь с семьей. Пытаясь обменять свою мурманскую квартиру на петербургскую, она опять попадает в криминальную историю, столкнувшись с угрозами своего соседа, бывшего раньше электриком в домоуправлении, а теперь ставшего *очень серьезным человеком*:

А в следующий свой приезд в Мурманск я увидела соседа, въезжающего во двор на «Ситроене». В домоуправлении он уже не работал. Он просто нигде не работал. Как такое могло случиться, я не понимала. Была пьянь-перепьянь, а сейчас разъезжает на «Ситроене». Соседка как-то, оглядываясь по сторонам, мне говорит: «Толик-то в мафии!». Это про моего соседа. Господи! Откуда в нашем тихом Мурманске мафия...

Респондентка проявляет незаурядную смелость и, несмотря на угрозы *соседа-мафиози*, продает мурманскую квартиру. Купив *маленькую двухкомнатную квартиру в спальном районе* Петербурга, она опять оказывается вынужденной прибегнуть к не совсем законным уловкам:

Вот так и жили. Я прописана в квартире, в которой они (дочь с семьей) жили. А я живу в их комнате в общежитии, где прописаны они. Вот дочери и пришлось, как переехали они в мою квартиру, снова идти преподавать в школу, чтобы внучку взяли.

Денег по-прежнему не хватает, и ей снова приходится думать о работе. И опять все ее «практики» — работа кассиром на площадке аттракционов в Парке Победы, продавцом в маленьком магазинчике, контролером на игровых автоматах — в той или иной степени оказываются унижительными и сталкивают ее с *криминалом*. Это *наезд налоговой инспекции*, угрозы *бандюганов* и т.п. Вот как она резюмирует свой рассказ об этой деятельности:

И такое впечатление, что до ухода на пенсию вроде никто меня ни на что не провоцировал. И не было у меня в жизни таких ситуаций...

Да, видно уж у нас на Руси без криминала не бывает, там где работа с деньгами идет...

Еще одной попыткой в ее разностороннем, активном и смелом стремлении адаптироваться к жизни в новых условиях становятся ее попытки стать акционером и заработать таким образом на квартиру дочери. Вот как она описывает эту совсем необычную для советского человека деятельность:

Начала следить за котировкой акций наших питерских предприятий. Деловое обозрение — рубрику из «Часа пик» — чаще всего просто не могла выбросить. Завела себе папку, где собирала все таблицы с котировками акций...

Акции бурно начали расти в цене. Начала я постоянно забегать в фондовый магазин на Невском. Лихорадочно считать! Ну, еще чуть-чуть и хватило бы на квартиру. Но чуть-чуть не получилось. Ахнул кризис в августе 1998 г. Если бы кто-нибудь накануне мне подсказал продать эти акции и перевести в доллары деньги!

Итак, все попытки вписаться в новые условия и практики дорого стоили этой женщине, заставив ее пройти через унижения и фактически изменив ее взгляды начала перестройки:

Споря с отцом когда-то, я обвиняла КГБ во всех смертных грехах. Но сейчас уже смотрю на все иначе. Бесконечная работа, вечно связанная с криминалом, жуткие разборки с квартирой... В стране все перевернулось с ног на голову... Я так устала от всего, что творится у нас вокруг. И не поймешь, какой у нас строй. И кто у нас правит всем в государстве. И почему эта «мафия» сильнее государства. Газеты пишут о ком-нибудь, что он связан с криминалом, а он выставляет свою кандидатуру на выборах...

Итоги своего биографического рассказа она подводит следующим образом:

Мне не нравилось то, как мы жили при социализме. Проработав целую жизнь, мы практически ничего не имели. Была малюсенькая квартира. Даже работая на севере, не так просто было купить машину рядовому исполнителю. Вечные проблемы с мясом, сыром, деликатесами. Все это имела только Москва и Ленинград. Большую часть жизни я прожила в Сибири и знаю, что такое дефицит. Ну разве это нормально? А теперь что? Страна завалена этим самым дефицитом. Так денег нет! Работы нет!

И сейчас думаю, а что ждет моих детей, моих внуков? Как им жить? Они, конечно, не попадут в тот маленький процент, который имеет все. Не будут иметь коттеджей, дорогих машин. Да и бог с ним. Но хотя бы работу имели нормальную. Чтоб жили без страха попасть постоянно в какую-нибудь криминальную ситуацию.

Итак, новые возможности и практики, которые узнала автор этого биографического рассказа в результате происходящих в стране перемен, она не считает работой, точнее, *нормальной работой*. Такой работой, которая, по крайней мере, позволяет не бояться *попасть постоянно в какую-нибудь криминальную ситуацию*, не говоря уже о возможностях самореализации и достижений, которые в принципе может дать человеку *нормальная работа*. Кроме того, все ее практики оказываются направленными не на то, чтобы удержать социальную позицию, а *только на то, чтобы прокормиться*, выжить. И цена, которую ей пришлось заплатить за это выживание, — унижение и страх.

«Копить деньги. Но зачем?»

Предыдущие биографические повествования хорошо дополняет и оттеняет следующий рассказ. Его автор — женщина 1940 г. р., которая будучи старшим научным сотрудником университета и кандидатом наук, в советское время могла позволить себе творческую и довольно свободную от режима жизнь, которую сегодня она с иронией называет *«сладкой жизнью»*. Эта *«сладкая жизнь»* закончилась в эпоху перемен, поскольку финансирование исследований в области астрономии,

которыми она занималась, прекратились. Тем не менее процесс перемен она оценивает как положительный:

Так что, хотя лично я при этом только потеряла, процесс в целом был положительным — нищему народу не под силу было содержать тысячи научных учреждений, дублирующих разработки друг друга.

Свой опыт «понижающей» адаптации она описывает также иронично. В этот опыт она включает попытки зарабатывать на жизнь другими видами деятельности: «азартную работу помощницей черного маклера» в течение года, которая не принесла ей никакого дохода; репетиторство, носящее сезонный характер; работу учителем в частной школе и, наконец, писание фельетонов, что она практикует и сегодня, называя фельетоны самым дефицитным жанром.

Конечно, статус этой женщины, научного сотрудника со степенью, в советское время был более высоким, чем у авторов первых двух рассказов, что хорошо видно как в ее ироничных описаниях жизненного пути, так и в используемых ею сегодня практиках. Возможно поэтому ее «понижающая» адаптация не выглядит унижительной. Однако в отношении этой женщины к ценностным ориентирам, пропагандируемым сегодня, прежде всего к достижительной мотивации как основополагающей характеристике современного либерального общества, читается серьезное ограничение, хотя и выраженное вполне оптимистично:

В силу невысоких запросов (есть крыша над головой, еда и чем прикрыть стыд) моя жизнь мне снова нравится. Да, я могла бы набрать абитуриентов, заниматься с ними с утра до ночи математикой и копить деньги. Но зачем? Купить лишнюю тряпку я при этом смогу, а виллу на Канарах — нет. То есть вкальвай как лошадь или не вкальвай, а в другой социальный слой не перейдешь... Я предпочитаю, особо себя не утруждая, заниматься попеременно, — но всегда с удовольствием! — то математикой, то сочинительством.

В этом оптимистичном ограничении собственной мотивации к достижению можно прочесть своего рода критику сегодняшней ситуации. Возможности, которые обнаружили в меняющемся обществе, оказались очень суженными и поставили перед многими вопрос о «цене» достижения — ради чего «вкальвать». Как свидетельствуют биографические рассказы участников конкурса, люди часто платят высокую цену — унижением и страхом — только за то, чтобы просто выжить. При этом они все же теряют прежние социальные позиции, на которые затратили немало труда и усилий, ведь речь идет о признанной статистическими опросами «понижающей» адаптации большинства.

Получается, что первоначальная ориентация людей на прямую связь личных усилий с улучшением жизненных условий, не говоря уже о возможностях серьезных социальных достижений, оказалась иллюзией, по крайней мере, подверглась серьезной корректировке за прошедшее десятилетие. И на вопрос, «кто виноват» в этой ситуации — консерватизм обстоятельств, в которых человеку приходится «вертеться», приспосабливаясь к худшим условиям жизни и работы, или консерватизм социальной «природы» человека советского [5, с. 13] — анализ биографических нарративов отвечает вполне очевидно. Людей трудно обвинять в том, что они реагируют на «цену» своих достижений, и называть их стратегию пассивно-конформистской [14, с. 17]. И хотя авторами рассмотренных здесь нарративов являются

женщины старшей возрастной группы, что несомненно может быть серьезным ограничением их мотивации к достижению, тем не менее все они полны сил (тем более были полны сил десять лет назад) и могли бы достаточно активно *«поработать на Родину»*, но обречены переменами на «понижающую адаптацию» и так называемые «пассивные» формы приспособления к ним.

Литература

1. Голофаст В.Б. Ветер перемен в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 4.
2. Козлова Н.Н. Позиция исследователя и выбор теоретического языка // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2.
3. Левада Ю.А. «Человек советский» десять лет спустя: 1989–1999 гг. // *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. 1999. № 3.
4. Левада Ю.А. Homo Post-Soveticus // *Общественные науки и современность*. 2000. № 6.
5. Левада Ю.А. Координаты человека // *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. 2001. № 1.
6. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: ИФ РАН, 1996.
7. Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
8. Мостовая Е.А. Социальное расслоение: методология исследования. Ростов-на-Дону, 1995.
9. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Полис*. 1997. № 4.
10. Цветаева Н.Н. Биографические нарративы советской эпохи // *Социологический журнал*. 2000. № 1/2.
11. Bourdieu P. *Distinction. A Social critique of the judgment of taste*. N.Y.: Routledge, 1989.
12. Цветаева Н.Н. Биографический дискурс советской эпохи // *Социологический журнал*. 1999. № 1/2.
13. Косова Л. Деньги или власть? Каналы мобильности в российском обществе // *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. 1999. № 3.
14. Данилова Е. Проблема социальной идентификации населения постсоветской России // *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. 1997. № 3.